УДК 94(47)
5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

В.В. Пономарева
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

НОВЫЕ ЖЕНСКИЕ ИНСТИТУТЫ МАРИИНСКОГО ВЕДОМСТВА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ: УСЛОВИЯ И ЦЕЛИ СОЗДАНИЯ

Женские институты являлись старейшими женскими учебными заведениями Российской империи, и содержание подготовки воспитанниц менялось на протяжении времени. Важнейшей задачей институтов, основанных на рубеже XIX–XX вв., стала поддержка дворянского сословия.

Российская империя, система образования, Ведомство учреждений императрицы Марии, женский институт, институтки, дворянство.

История русской школы в переломные периоды жизни страны является традиционной темой исследования в условиях реформирования современной школы. Неотъемлемой частью складывавшейся с XVIII в. системы российского образования являлась женская школа, начало которой было положено основанием Смольного института (1764 г.).

Хотя закрытым женским институтам Российской империи посвящена обширная историография, интерес историков обращен преимущественно к раннему периоду их существования, и лишь в последнее время начинают появляться работы, посвященные деятельности институтов второй половины XIX – начала XX в. [6; 5; 3]. Рассматриваемая нами тема до сих пор не привлекала внимания исследователей.

На рубеже XIX–XX вв. в России существовало значительное число средних женских учебных заведений разного типа. Среди них привилегированные женские институты Ведомства учреждений императрицы Марии, находившиеся под покровительством императорской фамилии, занимали особое место. Несмотря на серьезную конкуренцию, которую институтам составляли женские гимназии, спрос на институтское образование возрастал, поскольку обучение дочерей в институте для немалого числа семей имело особое значение. Это – воспитание в традиционном духе, интернатное содержание, привлекательное для семей, живущих в отдалении от крупных центров, основательное обучение музыке и иностранным языкам, получение педагогической подготовки, наконец, сам статус женских институтов в иерархии учебных заведений Российской империи.

Время от времени возникали проекты основания новых институтов, однако подобное дорогостоящее дело осуществить было чрезвычайно трудно. После долгого перерыва, в 1894 г. по инициативе самого императора Александра III в ознаменование бракосочетания его любимой дочери великой княжны Ксении был учрежден новый институт [8, с. 65]. Его открытие, состоявшееся 25 марта 1895 г., прошло самым торжественным образом, в присутствии высоких гостей: министров народного просвещения, внутренних дел, Императорского Двора и Уделов, военного, финансов, юстиции, земледелия и государственных имуществ, морского, путей сообщения, Государственного контролера и других. Начальницей института стала княгиня Е.А. Голицына, прежде служившая инспектрисой в Воспитательном обществе благородных девиц.

Институт создавался по обдуманному плану, с учетом современных реалий. Он предназначался исключительно для полусирот, которых следовало содержать в «более скромной, чем в других институтах, обстановке», а обычный учебный курс дополнить профессиональными классами, где воспитанницы получали серьезную подготовку по разным специальностям [15, № 15].

К этому времени рынок женского труда в России расширялся, однако потребность в работе для образованных женщин была намного выше возможности поступить на подходящую вакансию. В институтах, как впоследствии и в гимназиях, открывались дополнительные педагогические классы, выпускницы которых получали некоторое преимущество при приеме на службу. Однако конкуренция была очень высока, и многие девушки, закончившие среднюю школу, стремились повысить свою квалификацию, не ограничиваясь педагогической подготовкой. Отзываясь на вызовы времени, профессиональные классы только что открытого Ксениинского института должны были давать прикладные знания, чтобы полученное образование «могло обеспечить его воспитанницам возможность дальнейшего безбедного существования» (Там же, № 15, с. 27).

Как и в других институтах того времени, основной курс здесь составлял семь лет и обучение велось в соответствии с общепринятыми нормальной учебной табелью и планами. Профессиональные же курсы, «за недавностью их учреждения и новизной самого дела», открывались постепенно, и их учебные планы перерабатывались и дополнялись [13, л. 1–1 об.]. Первоначально на курсах предполагалось «усиленное» изучение новых языков, однако французским и немецким языками институтки на очень хорошем уровне овла-

девали во время общего курса, и это знание впоследствии выделяло их среди прочих соискательниц.

На *коммерческих* курсах института изучался обширный круг специальных предметов: коммерческая арифметика, бухгалтерия и коммерческая корреспонденция, торговое и промышленное счетоводство, банковое счетоводство, специальные счетоводства, практические работы по счетоводству и конторскому делопроизводству, практика по обучению счетоводству и коммерческой корреспонденции, сведения по коммерческой железнодорожной службе, общее законодательство, торговое и вексельное право, основания политической экономии и финансов с историей торговли, география, химия и товароведение, коммерческая корреспонденция на немецком, французском и английском языках, письмо и счет на машинах, стенография [13, л. 2 об.]. Со временем изучение специальных предметов углублялось. Например, была разработана программа нового предмета – «фабрично-заводского счетоводства», которая охватывала весь цикл деятельности предприятия, как то: «*Период устройства и сооружения*: покупка земель и строений; сооружений зданий; оборудование мастерских; заготовка материалов и инструментов. *Период эксплуатации*: общая организация фабрик и заводов, учет имущества, материалов, инструментов, рабочей силы, механической силы, общих и накладных расходов, учет мастерских, производства и готовых изделий; фабрикаты и полуфабрикаты; учет лошадиной силы, медицинской части, фабричных лавок и коммерческой части. Счетоводство и отчетность. *Практические занятия*: решение отдельных задач по содержанию проходимого курса: анализ оборотов и открываемых для них счетов и книг» (Там же, л. 7).

Подготовка «ученых конторщиц» в институте в основном соответствовала программам коммерческих училищ Министерства финансов [20, л. 68–69]. Таким образом, девушки на профессиональных курсах института получали профессиональные навыки в областях, которые совсем еще недавно числились уделом исключительно мужским.

Обязательными предметами на *технических* курсах были черчение, рисование с гипсов карандашом и пером, рисование красками, рисование растений и стилизация, перспектива и теория теней, композиция монограмм и узоров, методика и практика обучения рисованию и чистописанию, история изящных искусств и стилей с зарисовкой орнаментов, история костюмов, изящные рукоделия, цветоделие, головные уборы, кройка и шитье белья и платьев, товароведение, счетоводство, профессиональная гигиена, методика и практика обучения женским рукоделиям. По своему выбору воспитанницы могли изучать живопись по фарфору, стеклу, дереву, коже и материям, а также чертежные работы, ретушовку и фотографирование, декоративное искусство, шитье платьев и небольших верхних вещей, модное дело [13, л. 3.]. Впоследствии технические курсы были разделены на два отделения – рисовальное и рукодельное.

На профессиональные курсы принимали 90 человек, из них половина обучалась бесплатно. Выпускницы, получившие в среднем 11 из 12-ти баллов по специальным предметам и не менее 10 баллов по общеобразовательным, получали право преподавать по своей специальности в средних профессиональных и общеобразовательных училищах, те же, кто получил не менее 10 ½ в среднем по специальным предметам и не менее 9 по остальным – право преподавания в низших профессиональных учебных заведениях и в средних общеобразовательных.

Согласно Положению о профессиональных курсах Ксениинского института, при них существовал Попечительский совет, в который приглашали «известных своей опытностью по изучаемым на курсах профессиям и могущих оказать содействие по приисканию мест оканчивающим курс воспитанницам», за что им полагались права V класса по чинопроизводству. Среди них были метеоролог и географ И.А. Керсновский, чиновник Департамента железнодорожных дел Министерства финансов А.А. Шабуневич, художник и историк искусства главный хранитель Эрмитажа Э.К. фон Липгардт, придворный ювелир К.Г. Фаберже [19], автор трудов по счетоводству и бухгалтерии П.П. Матвеев, глава петербургской школы бухгалтерского учета Е.Е. Сиверс, банкир А.А. Давидов.

На профессиональные курсы Ксениинского института присылали своих лучших выпускниц другие институты, поскольку по правилам лишь треть казенных вакансий замещали «отличные по поведению, лучшие по успехам и беднейшие по состоянию» воспитанницы самого Ксениинского института, остальные вакансии предоставлялись другим институтам [22, л. 54 об.].

Первый выпуск воспитанниц Ксениинского института состоялся в 1904 г. И оказалось, что выпускницам, получившим прекрасную подготовку, найти работу по профессии, прежде всецело принадлежавшей мужчинам, исключительно трудно [11]. Мариинское ведомство, умея заглянуть в будущее, опережало общественный запрос.

Обучение в новом институте оказалось в высшей степени востребованным: к примеру, в 1909 г. на одну освободившуюся вакансию соискатели подали 127 заявлений, и в результате публичной баллотировки была «осчастливлена» дочь штабс-капитана Валерия Тургенева [21, л. 34].

Если первой особенностью Ксениинского института была профессиональная ориентация воспитанниц, то второй – подчеркнуто простая организация быта. Изначально предполагалось «употребить все возможные меры, чтобы институтки привыкали с первых же лет своего пребывания в заведении к простой, трудовой жизни, свойственной небогатой среде, из которой они выходят, поступая в институт, и в которую вернутся, окончив курс» [8, с. 66].

Ксениинский институт, воспроизводя образец классического русского женского института, в то же время обладал чертами, вызванными к жизни самыми современными реалиями, и его деятельность соответствовала вызовам времени. Выпускницы получали прочное среднее специальное образование, при этом в институте стремились воспитывать в своих питомицах трудовые навыки, привычку к дисциплине.

К концу XIX века в России наряду с традиционной дворянской, все большую роль начинала играть новая элита – торгово-промышленная и финансовая.

Традиционный уклад уходил в прошлое, жизнь менялась, утверждались новые модели поведения и бытового уклада в качестве нормативных, в общественную жизнь все активнее вовлекались широкие слои населения. Не желая уступать набиравшей силу буржуазии, консервативное крыло дворянства, опиравшееся на крупных землевладельцев, признавало необходимость перемен в политической и общественной жизни страны, однако стремилось направить эти перемены в приемлемое русло.

Одним из инструментов сохранения социального и культурного статуса дворянства виделась сословно ориентированная школа.

В 1885 г., во время празднования столетия со дня дарования императрицей Екатериной II Жалованной грамоты дворянству, на собрании московского дворянства обсуждалось предложение учредить «особое самостоятельное учебно-воспитательное заведение» для девочек. Образцом должны были послужить закрытые институты Ведомства учреждения имп. Марии, традиционно связанные с престолом и Двором.

В Москве в это время уже функционировали женские институты (Елизаветинский, Александровский, Николаевский Сиротский, Александро-Мариинский кавалерственной дамы Чертовой, а также предназначенный для потомственных дворянок Екатерининский (училище ордена св. Екатерины). Но возникший замысел предполагал основать новое современное учебное заведение на особых началах.

Реализация подобного проекта была сопряжена со многими трудностями, прежде всего материальными: поместительное меблированное здание с садом, лазарет и баня, прачечные и ледники, библиотека, музыкальные инструменты, экипировка для воспитанниц. Необходимо было сформировать штат подготовленных классных дам и преподавателей, обеспечить им регулярную выплату жалованья. Все это требовало огромных затрат. Новый институт должен был получить особую учебную программу, к разработке которой решено было привлечь лучших специалистов. Кроме того, московское дворянское собрание стремилось сохранить контроль над деятельностью института, на что следовало испросить высочайшее соизволение. Прецеденты существовали: особыми положениями руководствовался, к примеру, кубанский Мариинский институт, куда поступали прежде всего дочери дворян Кубанского казачьего Войска, Ксениинский институт императрицы Марии.

Неудивительно, что открытие нового института, задуманного московским дворянством, надолго затянулось. Прежде всего, была создана комиссия во главе с губернским предводителем дворянства графом С.Д. Шереметевым, ставшим душой этого проекта, а позже и его реализации. Сергей Дмитриевич Шереметев «был одним из последних носителей русской барской культуры. Несметно богатый, независимый, высокообразованный, он казался прямым наследником благороднейших навыков лучших екатерининских вельмож. Будучи на “ты” с последним самодержцем Александром III, он и его наследнику, последнему царю, по привычке в интимном кругу говорил “ты”, в то время как последний обращался к нему на “вы”» [2, с. 247].

Члены комиссии решили, что «заведению этому принадлежать должен и характер семейный – по возможности домашний», а воспитание «должно быть не только общеобразовательное, но главным образом русское. Прочные основы нашего государственного быта, а именно: сознательная принадлежность к православной церкви и глубокая преданность монархическому началу, в связи с простотой отечественных обычаев и преданий должны лечь краеугольным камнем в деле воспитания» [4].

Примечательно, что институту было дано декларативное название: в нем дважды подчеркивалась сословная характеристика (институт московского дворянства для девиц благородного звания) и содержалась двойная отсылка к именам царей, чье правление наиболее отвечало чаяниям дворянства (Екатерина Великая и Александр III). Таким образом, недвусмысленно подчеркивалось стремление учредителей создать заповедник для воспитания дочерей старинных родов Московской губернии в ценностях дворянской культуры.

Создатели подчеркивали, что цель института – «воспитание девиц в духе образованности, которая создавалась вековыми усилиями человечества, образованности, понимаемой не в узком смысле случайной временной утилитарности, а в смысле всегда присущих человеческому духу потребностей» [7, с. 3]. В соответствии с этим, «центральными предметами преподавания» были избраны история и литература. Естественнонаучные предметы считались, вопреки общей тенденции той эпохи, второстепенными, иначе «в погоне за ними неизбежно пришлось бы ослабить первостепенные гуманитарные и патриотические цели и довольствоваться жалким подобием сухой естественноисторической номенклатурой и обрывками знаний из области естествоведения». К разработке учебного плана привлекались лучшие специалисты: программу русского и иностранных языков разрабатывал Ф.И. Буслаев, математики, физики и космографии – В.В. Бобынин, рисования и живописи – Н.П. Кондаков.

Когда Устав «института Московского дворянства для девиц благородного звания института имени Александра III в память императрицы Екатерины II» был принят, московское дворянство сумело получить возможность контроля над деятельностью института [16, № 1422, с. 180]. Согласно Уставу, «институт имеет целью придти на помощь женскому воспитанию и образованию в среде дворянского сословия», чему и соответствовало его название. Далее требование к поступающим воспитанницам повторялось в еще более жесткой форме: «В институт принимаются исключительно дочери потомственных дворян, преимущественно Московской губернии». Это правило соблюдалось строго. Когда калужское дворянство обратилось в Правление института с просьбой учредить за счет калужан стипендию для уроженки своей губернии, то на губернском дворянском собрании, не желавшем создавать прецедент, было признано «нежелательным» «установление стипендий Дворянскими обществами» [9, л. 45 об.].

Ежегодные отчеты Дворянского института утверждались на собрании депутатов московского дворян-

ства, и каждые три года – в московском губернском собрании [18, с. 184. Гл. II. § 11]. Председателем Правления института назначался московский губернский предводитель дворянства, членами являлись московский уездный предводитель, начальница института, инспектор классов, четыре представителя собраний – Предводителей дворянства, депутатов дворянского собрания, московского губернского дворянского собрания. Пожизненным почетным членом единодушно был избран граф С.Д. Шереметев. Начальница института избиралась собранием предводителей и депутатов московского дворянства и утверждалась в должности императрицей. Причем условием избрания были принадлежность к потомственному дворянству, православное вероисповедание, опыт и высокие нравственные качества. В соответствии со всеми требованиями начальницей была избрана Ольга Анатольевна Талызина, являвшаяся отпрыском древнего рода дворян Московской губернии (бывшая институтка, она в свое время служила помощницей начальницы привилегированного московского училища ордена св. Екатерины). Московское дворянское собрание избирало также и инспектора классов, однако утверждался он Главноуправляющим Мариинского ведомства.

Московское дворянство, помимо прямых пожертвований на основание «своего» института, открывало специальные стипендии. В 1906 г. капитал на стипендию в институте пожертвовал гофмейстер Высочайшего Двора Ю.С. Нечаев-Мальцев, три стипендии «для дочерей неимущих потомственных дворян Московской губернии» учредило в 1907 г. семейство фон Мекк, разместив капитал в размере почти 35 тыс. рублей [17, № 2655, с. 9–10]. На следующий год были учреждены также стипендии имени В.Л. Нарышкина, графа С.В. Орлова-Давыдова, графа А.В. Орлова-Давыдова, князя С.М. Голицына, графа А.Д. и графини М.Ф. Шереметевых на пожертвованные в пользу института капиталы (Там же, № 2856, с. 208).

Дворянский институт сразу обрел популярность благодаря репутации его отцов-основателей, чьи усилия не прошли даром. Т.А. Аксакова вспоминала, как посещала своих подруг, Лялю и Катю Запольских, которых «удалось определить… в это вновь открывшееся первоклассное учебное заведение на стипендии». Здесь «все было поставлено на широкую ногу. Достаточно сказать, что инспектором музыки был Рахманинов, зубы институткам лечил лучший московский дантист Янковский, французскую литературу преподавал гувернер Владимира Долгорукова mr. Portier». Кроме того, здесь преподавали: Б.М. Житков (в будущем известный писатель-естествоиспытатель), Александр И. Некрасов (в будущем профессор МГУ, механик-математик, академик) и его брат Алексей (в будущем известный искусствовед, профессор МГУ) [10, л. 6 об.], уроки музыки давал А.Н. Скрябин (две дочери композитора учились здесь же).

В Дворянском институте «даже классные дамы, все как на подбор были красивы и приятны (у Кати Запольской классной дамой была прелестная О.М. Глебова, мать Сергея Михалкова, обладавшая неисчерпаемой фантазией и славившаяся среди институток, как великий мастер новеллы… Все было чинно, но в Дворянском институте не чувствовалось той казенщины и рутины, которые неизменно встречались в описании закрытых учебных заведений прошлого века. Воспитанницы получали очень много, как в смысле материальных забот, так и в смысле умственного развития и, вполне понятно, что в дальнейшей жизни многие из них вспоминали о доме у Красных ворот, как о “потерянном рае”» [1, с. 165–166.].

В соответствии с замыслом учредителей, особое внимание придавалось патриотическому воспитанию. 26 августа 1912 г., когда праздновалось столетие Отечественной войны 1812 года, в «Ежедневник воспитанниц» за 1912 г., который поочередно вели старшие воспитанницы, была внесена запись: «Ольга Анатольевна [Талызина, начальница института. – *В. П.*] как прямой потомок героя 1812 г. и пять воспитанниц гр. Коновницыных ездили в Бородино, где присутствовали на молебне у Памятника на параде войск и на высочайшем завтраке…», причем отмечалось, что в своей речи «Государь отметил роль дворянства как первенствующего сословия» [10, л. 1 об.]. Институткам устраивали постоянные экскурсии в музеи (особенно в Исторический), а летом выпускной класс совершал длительное путешествие по стране (причем часть пути институткам приходилось проделывать пешком) [12, с. 381–385].

* * *

Два женских института, основанных на закате Российской империи, обучали своих питомиц согласно альтернативным образовательным сценариям. В Институте московского дворянства действовала элитарная программа, нацеленная на углубленное изучение широкого круга гуманитарных дисциплин, а уровень комфорта во дворце у Красных ворот, где институт располагался, был по тем временам довольно высок. В Ксениинском институте девиц, напротив, обучали, помимо общей программы, практическим знаниям и умениям, а бытовые условия там были подчеркнуто просты. Тем не менее, оба института предназначались для девочек-дворянок. В Ксениинский институт набирали не просто детей «служилого сословия», но в первую очередь дочерей потомственных дворян «недостаточного состояния, а также генералов, штаб-офицеров и тех обер-офицеров военной и соответствующих им классных чинов гражданской службы, которые приобрели службою права дворянства, потомственного или личного» [15, № 15, с. 28–29]. Социальный состав поступающих в Дворянский институт, ограниченный лишь дворянками Московской губернии, был еще уже. В отличие от «старых», новые женские институты, основанные на пороге новой эры, имели высокий сословный ценз набора учащихся. При всем своем различии, эти институты создавались с единой целью – сберечь, защитить класс, служивший опорой государственного строя Российской империи. Действительно, неуклонно вырождавшееся дворянство нуждалось в поддержке. Не случайно 1900 г. в «Особом Совещании по делам дворянского сословия» рассматривался план учреждения еще двух новых женских институтов для дворянок в Ведомстве учреждений императрицы Марии – за счет государственного казначейства [14]. Но подобным

проектам уже не дано было осуществиться: началась эпоха катастрофических событий, которые приблизили конец императорской России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксакова, Т. А. Семейная хроника / Т. А. Аксакова. – Париж, 1988. – Кн. 1. – С. 165–166.

2. Бахрушин, Ю. А. Воспоминания / Ю. А. Бахрушин. – Москва : Художественная литература, 1994. – 726 с.

3. Белоусова, О. В. К истории создания института Московского дворянства для девиц благородного звания имени императора Александра III в память императрицы Екатерины II / О. В. Белоусова // Клио. – 2012. – № 9 (69). – С. 53–58.

4. Доклад собранию гг. Предводителей и депутатов и гг. членам комиссии по вопросу о помощи женскому воспитанию среди дворянского сословия Московского губернского предводителя дворянства графа Сергея Дмитриевича Шереметева. – Москва : Печатня С. П. Яковлева, – 1890. – 22 с.

5. Заливахина, Н. И. Ксениинский институт (закрытое женское учебное заведение: история открытия, условия приема, особенности организации учебного процесса) / Н. И. Заливахина // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность : сборник статей. – Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет, 2018. – С. 148–153.

6. Лобок, Д. В. «Мы не кисейные барышни!» (Ксениинский институт в период первой русской революции 1905–1907 гг.) / Д. В. Лобок // Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее : сборник статей. – Чебоксары : ИД Среда, 2019. – С. 224–231.

7. Об Учебном плане предполагаемого Московского Дворянского института для благородных девиц. – Москва : Синодальная тип., 1886. – 113 с.

8. Образование. – 1894. – № 7/8. – С. 63–68.

9. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 310. Д. 134. Журнал Правления института. 1905. 82 л.

10. ОПИ ГИМ. Ф. 310. Д. 140.

11. Пономарева, В. В. Выпускницы Ксениинского института в поисках работы (1904–1907 гг.) / В. В. Пономарева // Модернизация культуры: потенциал искусства, науки, образования : сборник статей. – Самара, 2022. – С. 45–49.

12. Пономарева, В. В. Южный Урал глазами институток: путешествие воспитанниц Дворянского института в 1914 г. / В. В. Пономарева // Гороховские чтения. Материалы X региональной конференции. – Челябинск : Государственный исторический музей Южного Урала, 2019. – С. 381–385.

13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 759. Оп. 27. Д. 55. Об установлении учебных табели и планов для профессиональных курсов Ксениинского института. 1905. 27 л.

14. РГИА. Ф. 759. Оп. 85. Д. 34. Кодификационная экспедиция. По вопросу об обеспечении воспитания и образования дворянских сирот женского пола. 1900. 4 л.

15. Собрание узаконений Ведомства учреждений имп. Марии : в 8 т. – Санкт-Петербург : Гос. Типография, 1908. – Т. V. – 1894–1897, кн. 1. – 969 с.

16. Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии : в 8 томах. – Санкт-Петербург : Гос. типография, 1910. – Т. V, кн. 3. – 444 с.

17. Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии : в 8 томах. – Петроград : Гос. типография, 1916. – Т. V, кн. 5. – 418 с.

18. Устав Дворянского института // Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии : в 8 томах. – Петроград : Гос. типография, 1901. – Т. IV, кн. 3. – 1297 с.

19. Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 9. Оп. 1. Д. 1698. Дело о почетном блюстителе профессиональных курсов Ксениинского института. 1902. 7 л.

20. ЦГИА СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1965. О переписке по поводу определения на места воспитанниц, окончивших профессиональные курсы. 1904. 149 л.

21. ЦГИА СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2436. Дело, касающееся баллотировки для поступления в Ксениинский институт. 1909–1910. 107 л.

22. ЦГИА СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 3052. Журналы Правления Ксениинского института. 1914. 114 л.

V.V. Ponomareva

NEW WOMEN'S COLLEGES OF EMPRESS MARIA'S DEPARTMENT AT THE TURN OF THE 19TH-20TH CENTURIES: CONDITIONS AND GOALS OF CREATION

Girl's boarding schools were the oldest women's educational institutions in the Russian Empire. The content of training students changed over time. The most important task of the institutions founded at the turn of the 19th-20th centuries was to support the noble class.

Russian Empire, education system, Department of the Empress Maria, women's institute, pupils, nobility.